

Маркиз Цзинь Юэ также взял в руки пинцет и поднял им маленькую изогнутую иглу, которая напоминала рыболовный крючок. Через иглу была продета тонкая нить для шитья одежды.

Маркиз мягко предупредил:

- Будет немного больно, но потерпи. Рана слишком большая, лучше ее зашить.

Он сказал, что будет больно.

Но... зашить? Что он имел в виду?

Тут Мо Цяошэн почувствовал пару легких болезненных уколов, которые нисколько его не беспокоили.

Гораздо больше его смутило то, что склонившийся над ним дворянин мало-помалу зашивал иглой его рану, словно шил одежду.

Хотя его движения были немного неумелыми, выражение лица дворянина было крайне сосредоточенным и добросовестным.

Во время шитья он объяснял:

- Это только временно. После возвращения ты должен отрезать нить и удалить ее через три дня, хорошо?

Пусть это выглядело ужасно, результат был налицо. Мо Цяошэн заметил, что ромбовидная рана на его плече, которая поначалу была трудно заживающей, затянулась и больше не кровоточила.

Маркиз Цзинь Юэ открыл фарфоровый флакон и осторожно нанес слой тонкого желтого порошка на рану, прежде чем прижать к ней кусок чистой белой марли.

Мо Цяошэн наконец-то понял, что дворянин лечит его.

Подсознательно он хотел поднять руку и отстранить его, но вспомнил, что руки у него связаны и пошевелиться он не может.

- Не двигайся. Я еще не закончил. - мягко зазвучал в его ушах нежный голос.

Мужчина наклонился к его уху и забинтовал рану на плече марлевым бинтом.

Его мягкое дыхание ласкало лицо раненого.

Необъяснимое чувство пронзило сердце Мо Цяошэна, словно его слегка поцарапали лапки котенка. Кислое и болезненное чувство, природу которого он пока не мог определить.

Маркиз, вы же отпустите меня?

Он втайне надеялся на это.

Затем он тут же одернул себя, что не должен питать несбыточных надежд.

Я уже могу считаться счастливым, повстречав такого добросердечного дворянина, который

не мучает меня, лечит мои раны и ... делает со мной это.

Чэн Цянье воспользовалась ножницами и срезала одежду, оставшуюся на теле молодого раба. Когда его стройное тело предстало ее взору, ее сердце заняло от жалости.

Молодое тело было сплошь покрыто синяками и шрамами, большими и маленькими, новыми и старыми. На животе у него была колотая рана, еще более серьезная, чем рана на плече. Она была туго перевязана полоской грязной ткани.

Он едва вышел из подросткового возраста, и уже имел на руках и ногах суставы, слегка деформированные от чрезмерных тренировок.

Это была действительно жестокая эпоха, и этот человек был жалок.

Чэн Цянье тяжело вздохнула и постаралась сделать свои движения как можно более плавными.

Мо Цяошэн смотрел на ее лицо, на которое падал мягкий свет светильника. Этот благородный маркиз лично зашивал его рану, тихо вздыхая при этом.

Он был сосредоточен и серьезен, падающий на него свет придавал ему ослепительное сияние.

Игла раз за разом пронзала его кожу. Вместе все это составляло со стороны довольно странную картину

Однако Мо Цяошэн почувствовал, что его натянутые до предела нервы постепенно расслабляются.

И почти сразу же на его измученное тело, проведенное на ногах без отдыха целые сутки, навалилась тяжелая сонливость.

Он не мог удержаться от желания закрыть глаза.

Он одернул себя и изо всех сил постарался удержать глаза открытыми.

Нет, нет, я не могу спать.

Я не могу заснуть и оставить свое тело на милость незнакомца. Мо Цяошэн не мог себе представить, с чем столкнется после пробуждения.

Более того, ты забыл свой статус и с какой целью пришел сюда?

Этот маркиз так нежно перевязал твои раны. Когда позже он захочет сделать с тобой это и увидит, что ты заснул, разве он не придет в ярость?

Тут Мо Цяошэн услышал нежный голос:

- Спи. Ты устал. Поспи немного, если хочешь. Хорошо отдохни.

Он сказал, что я могу спать.

Он дал свое согласие.

Он сказал, что я могу немного поспать.

Только на некоторое время.

Он повторял про себя эти мысли, проваливаясь в глубокий сон.

Чэн Цянье наконец-то закончила ухаживать за всеми видами ран.

Она вытерла пот, подумав о том, что ей все же следует позвать армейского врача, чтобы тот пришел и осмотрел раненого.

Швы на его животе выглядели криво из-за ее неумения и нервозности.

Жаль, что в эту эпоху еще не применяют хирургических швов. Я настолько неопытна, что, должно быть, причинила ему много боли.

Чэн Цянье подняла голову только для того чтобы увидеть, что молодой раб уже давно погрузился в сон.

Он крепко спал, его бескровные губы были слегка приоткрыты.

То, что он был в состоянии заснуть в момент зашивания его ран без какой-либо анестезии, явно указывало на то, что, очевидно, он был полностью истощен.

Забудь об этом, не буди его. Пусть хорошенько выспится здесь.

"Другие, вероятно, подумают, что я позволила себе вольности с этим рабом". - вздохнула Чэн Цянье.

Во всяком случае, репутация этого ее "старшего брата" всегда была такой.

Так что в этом случае я буду выглядеть вполне естественно.

Чэн Цянье натянула одеяло и осторожно накрыла полуобнаженное тело молодого раба. Сама она устроилась на ночь на диване.

Когда Мо Цяошэн проснулся от глубокого сна, уже вовсю светило солнце.

Он скатился с кровати и, сбитый с толку, обернулся, чтобы посмотреть на великолепную кровать позади него.

Он с сомнением погладил сухое и мягкое одеяло, из-под которого только что вылез. Оно все еще было приятным и тёплым от его тела.

Я... я проспал здесь всю ночь?

Он опустил голову и увидел, что путы, связывавшие его, уже ослаблены.

Одежды на нем не было, остались только коротко обрезанные штаны, едва прикрывавшие его наготу.

Маленькие и большие раны на его теле были плотно перебинтованы чистой марлей, испускающей слабый запах лекарств.

Мо Цяошэн дважды осмотрел себя с головы до ног, чтобы убедиться, что его тело не было тронуто и не имело никаких внешних признаков повреждений.

Он приподнял занавес в палатке, чувствуя некоторую тревогу.

Занавес разделял большую палатку на две комнаты.

Тот дворянин с прошлой ночи сидел с другой стороны.

Маркиз Цзинь Юэ облокотился на стол, держа в одной руке булочку, а в другой чашку с дымящимся чаем, осторожно потягивая его.

В лучах утреннего солнца виднелась лишь его неясная фигура.

Такой добрый человек, даже если он захочет что-то сделать с тобой, ты не должен сопротивляться.

Мо Цяошэн прикоснулся к белоснежной повязке на плече, постоянно убеждая себя в этом.

Это ведь по сути сущая безделица. Боль не продлится долго, и в любом случае это лучше, чем быть дважды раненым мечом. Мне просто нужно это пережить. Так делают все.

Сделать это в первый раз с таким добросердечным человеком - уже счастье.

Мо Цяошэн заставил себя решиться. Он подошел к Чэн Цянье и опустился на колени у ее ног.

Держась за подол ее халата, он вспомнил, как эти маленькие куртизаны в павильоне Чухуай кланялись и целовали подол халата гостей, призывая тех дворян проявить к ним сочувствие.

Однако он обнаружил, что его шея одеревенела и отказывалась сгибаться.

Его руки, державшие халат, дрожали так сильно, что смяли тонкую ткань.

- Что ты делаешь? - раздался нежный голос над его головой.

- Я... - Мо Цяошэн поднял голову, его губы задрожали. Он не мог заставить себя выговорить те постыдные слова, которые обычно говорили эти маленькие куртизаны в павильоне Чухуай.

"Я не хочу.

Простите меня.

Я действительно не хочу.

Вы можете пощадить меня?

Умоляю вас, отпустите меня." - отчаянно закричал он в своем сердце.

В руки ему сунули миску сладкой каши с красными финиками и лонганом*.

*Лонган - вечнозеленое дерево семейства сапиндовые, культивируемое во Вьетнаме, Индонезии, Китае, Таиланде, Тайване ради съедобных плодов. Наименование экзотического фрукта происходит от «longan», что в переводе означает «глаза дракона».

- Пей. Выпей это и возвращайся к себе. - сказал Маркиз Цзинь Юэ, словно услышав самые сокровенные мысли в его сердце.

Мо Цяошэн доел кашу в оцепенении, не в силах даже почувствовать вкус того, что попало ему в рот.

Он вышел из палатки словно в тумане, яркий солнечный свет вывел его из оцепенения.

Он дотронулся до новой одежды и бутылочки с лекарством, подаренной ему Маркизом Цзинь Юэ, все еще чувствуя себя как во сне.

Мо Цяошэн облизнул губы и почувствовал тонкий привкус. Сладость?

Весь его рот был наполнен слабым привкусом этой сладости.

Это же сахар? Легендарный сахар.

"Я не сплю". - сказал он себе. "Я не могу мечтать о чем-то насколько сладком."

Мо Цяошэн вернулся в казармы рабов. Возвращаясь к себе, он увидел, что дверь в каморку А'Фэна не закрыта, а на полу валяется его изрядно потрепанное тело.

Мо Цяошэн зашел внутрь, поднял А'Фэна и положил его на кровать.

Зрелище ран А'Фэна заставило его вздохнуть. Мо Цяошэн погладил бутылочку с лекарством, спрятанную у него на груди, осторожно потерев ее пальцами, прежде чем вытащить пробку. Он осторожно высыпал желтый порошок на самую тяжелую из ран товарища.

- Откуда у тебя лекарство? - спросил А'Фэн, обернувшись. Один из его прекрасных глаз феникса был подбит и опух, уголки рта разбиты и покрыты синяками.

Мо Цяошэн помолчал, прежде чем сказать:

- Маркиз Цзинь Юэ даровал его.

А'Фэн оглядел его с ног до головы, прежде чем отвернуться, застонав от боли.

- Повезло. А что с тем дураком А'Юнем?

- Я его еще не видел.

- Вот идиот. Не знаю, сможем ли мы когда-нибудь снова увидеть его... - А'Фэн резко осекся.

Мо Цяошэн молча обработал его раны и вышел за дверь.

Да, пока неизвестно, что случилось с А'Юнем. Мо Цяо Шэн хорошо знал, что характер А'Юня был еще более открытым, чем у него, и еще более он был неспособен контролировать себя.

Чувствуя нарастающее беспокойство, он ускорил шаг, желая пораньше вернуться в свою каморку и посмотреть, не нужна ли младшему товарищу и соседу его помощь.

В этот момент на другом конце тропинки появились двое рабов с носилками. На носилках лежал труп с окровавленными ногами, покрытый грязными тряпками.

Такая ситуация была обычным явлением в казармах рабов, и Мо Цяошэн равнодушно прошел мимо.

Внезапно с носилок свесилась рука. На тыльной стороне этой бледной руки виднелся уродливый шрам.

Мо Цяошэн внезапно застыл. Его зрачки сузились, он сжал кулаки.

Бледная, безжизненная рука, качнувшись, проплыла мимо него.

А'Юнь.

Это был А'Юнь.

Всего лишь одну ночь спустя тот самый А'Юнь, который так любил посмеяться, исчез.

Только вчера они впятером проходили здесь. Голос А'Юня, казалось, еще звенел на этой пустынной тропинке.

"Интересно, как господин решил вознаградить нас. А'Цзя, как ты думаешь, это будет мясо? Я очень давно не ел мяса."

Этот мир так несправедлив. Молодая жизнь, веселая и жизнерадостная, столь упорно боровшая за свое существование, вдруг оборвалась так нелепо только из-за небольшого

гнева этих надменных дворян.

Мо Цяошэн закрыл глаза, уголки его рта подрагивали. Он судорожно сжал в руке маленькую фарфоровую бутылочку, словно желая вдохнуть из нее хотя бы каплю тепла, чтобы хоть как-то заполнить огромную ноющую пустоту в своем сердце.

<http://tl.rulate.ru/book/51810/1336147>